

Б. Н. ТАРАСОВ

Tertium non datur: к вопросу о месте и значении творчества Ф. М. Достоевского в мировом историко-культурном процессе

<Фрагмент>

Ф. М. Достоевский занимает неповторимое место в мировом историко-культурном процессе, претворяя в своем творчестве фундаментальные и универсальные проблемы и коренные противоречия человеческого бытия и истории. Еще в 1846 г. В. Г. Белинский, хотя и не оценивший в полной мере глубокое новаторство «Двойника», пророчески писал, что Достоевскому суждено сыграть в отечественной словесности уникальную роль. С течением времени эта роль постоянно возрастала не только в «нашей литературе». Многие выдающиеся писатели и в России, и на Западе с большим или меньшим основанием причисляли себя к его последователям. Достоевский оказал значительное влияние на становление и проблематику русского религиозно-философского ренессанса, и почти все крупнейшие русские мыслители считали своим долгом писать книги о нем. Популярные европейские и англо-американские философские и эстетические течения стремились представить Достоевского как своего предтечу или единомышленника, хотя его творчество гораздо шире и глубже их мировоззренческих установок и идейных предпосылок. Он обладал непревзойденной художественной способностью, изображая конкретные индивидуальные события обыденной жизни, «перерывать» в своих романах весь сложный комплекс идеологических, социальных и нравственных вопросов текущего времени и одновременно видеть в них вечное содержание, формулировать прошлое, настоящее и будущее.

Основополагающую сторону художественных открытий Достоевского подчеркнул М. М. Бахтин: «Достоевский сделал дух, то есть последнюю смысловую позицию личности, предметом эстетического созерцания... Он продвинул эстетическое видение вглубь, в новые глубинные пласты, но не вглубь бессознательного, а в глубь-высоту сознания»*. Именно

---

* Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 31.

сосредоточенность на «последней смысловой позиции» личности и глубинно-высотных пластах сознания, зачастую сокращенных в читательском и исследовательском восприятии, превращает Достоевского в своеобразного мыслителя, рассматривавшего любую жизненную конкретику основополагающих проектов развития мира «с Богом» и «без Бога», в сопряжении главных признаков величия и ничтожества в драматической мистерии человеческого существования. Причем сама методология его мышления, тесно связанная с проникновенным эмпирическим исследованием парадоксов человеческой природы с христианской точки зрения и их неоднозначным преломлением в тех или иных тенденциях, явлениях, поступках, общественном новаторстве, давала ему возможность не только предсказывать трагические катаклизмы XX века с его войнами, революциями и, говоря словами А. И. Герцена, «чингисханами с телеграфами», но и сегодня служить своеобразным пробным камнем для проверки всяких модных рассудочных утопий и односторонних идеологий.

Способность раскрыть подлинную и объективную иерархию действительно главных и второстепенных для личности проблем и разглядеть сокровенную связь сокрытых движений души и корневых побуждений воли человека с результатами его внешней деятельности, умение распознавать иллюзии относительных ценностей и социальных условностей, миражи всевозможных репутаций и социальной пропаганды, границы и тупики сциентизма, тонкий яд рационализма и нигилизма здравого смысла позволяют писателю и теперь оставаться авторитетнейшим участником в диалоге идей современного мира.

Глубинное своеобразие религиозно-философской проблематики и художественной мысли Достоевского еще при его жизни встречало непонимание со стороны читателей и критиков. «Жестокий талант» (Н. К. Михайловский), «больные люди» (П. Н. Ткачев) — подобные определения писателя и его персонажей нередко можно было встретить на журнальных страницах. После кончины Достоевского наметилось стремление к адекватному и систематическому изложению основ его мировоззрения и творчества в трудах крупных русских мыслителей (В. С. Соловьев, В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, Вяч. И. Иванов, Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов и др.), для многих из которых постижение его творчества стало важной вехой на пути «от марксизма к идеализму», создавая методологическую основу для собственных построений, и вместе с тем порою подвергалось субъективным интерпретациям, подчиняясь теоретическим установкам «нового религиозного сознания» (Н. А. Бердяев), «третьего завета» (Д. С. Мережковский), «второго измерения мышления» (Л. И. Шестов) и т. п.

Важную роль в движении к адекватному пониманию значительности и масштаба творчества писателя сыграла книга М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», диалогическая концепция которой была скорректирована признанием им самим основополагающего значения христианской модели мира и человека в художественном мышлении автора «Братьев Карамазовых». Сам Бахтин откровенно говорил, что в своей книге оторвал форму от главных философских вопросов и «прямо не мог говорить о том, чем мучился Достоевский всю жизнь — существованием Божиим <...>»*.

О тех или иных мировоззренческих, философских, идеологических, тематических, эстетических аспектах «главных вопросов» заходит речь в работах представителей Русского зарубежья (В. В. Зеньковский, Г. В. Флоровский, Н. С. Арсеньев, К. В. Мочульский, Р. В. Плетнев, Г. А. Мейер, Ф. А. Степун, С. А. Левицкий, В. В. Вейдле, а также ряд иностранных авторов (Р. Гуардини, А. Любак, Дж. Баччини, Л. Аллен)). Вместе с тем, господствовавшие в европейском и американском литературоведении тенденции, совпадавшие со сменой идеологических веяний и философской моды, заставляли их выразителей, как правило, игнорировать, «сокращать» подобные вопросы, а иногда и превратно истолковывать их. Достоевский нередко провозглашался предшественником модернизма, глашатаем своеволия и бунта, апологетом индивидуализма и сверхчеловека. Экзистенциалисты считали его наряду с Кьеркегором и Ницше своим родоначальником, а фрейдисты и структуралисты подвергали его творчество усеченным и произвольным интерпретациям, обусловленным своеобразием их проективной методологии. При этом одни герои («подпольный» человек, Раскольников, Ставрогин, Иван Карамазов) выводились на передний план и утверждались за счет других (Мышкин, Макар Девушкин, Зосима, Алеша Карамазов). Здесь показательным и выразительным может служить сведение высшего к низшему, физиологическая редукция «тайны человека» и антидостоевское истолкование христианства и деятельной любви и сострадания как «идиотизма» и «болезни», «вредоносного порока» в соединении с апологетикой преступной сильной личности в логике Ницше. Поэтому крайне неоправданной, например, выглядит характеристика Достоевского и Ницше как «братьев по духу» у Т. Манна: «“Преступление” — я повторяю это слово, чтобы охарактеризовать родственность Достоевского и Ницше. Недаром последнего с такой силой влекло к Достоевскому, которого он называл “великим учителем”. Обоим свойственна экзатичность, познание истины, рождающееся из внезапного, полубезумного озарения, и к тому же религиозный, иначе говоря — сатанинский мо-

---

* Новое литературное обозрение. 1993. № 3. С. 71–72.

рализм, который у Ницше назывался антиморализмом»*. «Настоящий скиф» (Г. Брандес), «болезненный гений» (Р. Роллан), «беспорядочная какофоническая похлебка» (Г. Джеймс), «матриархат бессознательного» (Г. Гессе), «мазохизм самоутверждения» (С. Моэм) — подобные характеристики произведений Достоевского и его персонажей при отсутствии внимания к сознанию и самосознанию автора, к полномерному объему «тайны человека», к «главному», к «последней смысловой позиции» вполне закономерно перекликаются с приведенными выше оценками революционно-демократических критиков.

При таком игнорировании в отечественном литературоведении послеоктябрьского периода образуется свой (содержательно отличный, но структурно аналогичный) шлейф вольных или невольных подмен христианской онтологии, антропологии, аксиологии и гносеологии Достоевского. От ленинской оценки произведений писателя как «реакционной гадости» и «бесполезной дряни», а их автора как «социально вредного» (М. Горький) и «изменника» (В. Б. Шкловский), с течением времени смягчилась и утончалась казуалистическая диалектика «с одной стороны... с другой стороны». В. Я. Кирпотин, например, недоумевал «как могло такое мировоззрение, столь беспомощное в оценке действительных процессов истории и современности, сочетаться с таким значительным по содержанию искусством?»**. Однако даже с точки зрения простой логики и здравого смысла достаточно ясно, что ложные идеи и беспомощное мировоззрение никаким чудом не могут породить из себя бессмертные художественные творения.

В смещенных истолкованиях творчества Достоевского было бы относительно легко разобраться, если бы в них отражалась только насильственная идеологизированность общественного сознания и вульгарно-социологическая заданность казенной науки. Принципиальная и, к сожалению, с трудом уясняемая сложность проблемы заключается в том, что своя, пусть и невольная, мировоззренческо-методологическая предвзятость содержится и в пользующихся заслуженным авторитетом трудах тех ученых, кто, блестяще решая частные вопросы достоевковедения, по своим либерально-демократическим убеждениям противостоит разным идеологическим ортодоксам. В итоге получается, что и гуманистический принцип общечеловеческих ценностей не вмещает, более того, ограничивает и упрощает высшую смысловую полноту творчества Достоевского, где раскрываются единые и глубокие антропологические корни капитализма и социализма, тоталитаризма и индивидуализма, демократии и фашизма, рационализма и оккультизма и т. д. Например,

* Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. М., 1960. Т. 10. С. 334–335.

** Кирпотин В. Я. Достоевский-художник. М., 1972. С. 240.

благодаря христианской антропологии и гносеологии автору «Бесов» удалось уяснить невидимые для многих точки соприкосновения и пути перехода между, казалось бы, противоположными идеями и состояниями сознания, между «чистыми» западниками и «нечистыми» нигилистами, истинными социалистами и революционными карьеристами, между вековыми мечтами о равенстве и братстве и их противоположным циничным воплощением. В современных же научных, философских, публицистических трудах подобные связи зачастую не только не рассматриваются, но, напротив, размежевываются, а их носители неоправданно резко противопоставляются. И в этом отношении либеральные позитивисты внешне парадоксально, а по сути закономерно сближаются с противниками из числа ревнителей классового или любого иного мифологизированного подхода. Тем самым они напоминают отца и сына Верховенских, которые споря друг с другом, оказываются внутри одной генетической, исторической и типологической общности.

Таким образом, фрейдистские или структуралистские методологии, экзистенциалистская, либеральная или социалистическая идеологии, несмотря на содержательную разницу между ними, одинаково оказываются в плену предвзятых схем и ограниченных подходов к творчеству Достоевского, «вчитывают» в его произведения собственные представления о мире и человеке. Поэтому по-прежнему актуальной остается задача выработки наиболее адекватных и полноценных подходов к романам и публицистике писателя, отвечающих его сознанию и самосознанию, фундаментальным особенностям его творческого метода, который в книгах и статьях В. Н. Захарова, И. А. Есаулова и ряда других исследователей характеризуется как «христианский реализм» и внимание к которому почти отсутствует в современном западном литературоведении, в целом богатом на разнообразные специализированные подходы к творчеству Достоевского*.

* См. например, обзор немецкого слависта Х.-Ю. Геризга *Dostojewskijs Wirkung im deutschen Sprachraum (Fragmente eines Überblicks vom Fin de siècle bis heute)* // *Deutschland und Russland: Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert.* — Herausgegeben von Dittmar Dahlmann, Wilfried Potthoff / Herrasowitz Verlag, Wiesbaden. 2004. S. 95–126. В этом обзоре приводятся противоположные фундаментальные общие оценки этого творчества З. Фрейдом («Достоевский упустил шанс стать Учителем и Освободителем людей, он присоединился к их тюремщикам») и О. Шпенглером («Такая душа, как Достоевский, смотрит поверх всего социального... Его христианству принадлежит будущее столетие»), адекватное обсуждение которых возможно лишь в контексте сознания и самосознания самого писателя и его христианской антропологии и особой художественной методологии.